

Советская молодежь
г. Рига

18 7 НОЯ 1972

15-я симфония Дмитрия Шостаковича, впервые прозвучавшая в Риге в исполнении симфонического оркестра Московской филармонии под управлением К. Кондрашина, была уже сыграна в Москве и Ленинграде и, как любое новое сочинение великого композитора, встречена с огромным интересом.

ШОСТАКОВИЧ вновь возвратился, после 10-й своей симфонии, в область непрограммного симфонизма: 11-я и 12-я — посвящены событиям двух русских революций; 13-я и 14-я, созданные на поэтические тексты, также носят отчетливо программный характер.

Новая симфония — произведение лирическое, подобно последним квартетам, блоковскому циклу и двум гениальным «вторым концертам» — виолончельному и скрипичному. Написанная как бы вследа 14-й, она переключается с ней, несет в себе ее эхо и одновременно ей противопоставлена... Трагический и потрясающе-лаконичный финал 14-й («Всевластная смерть», на текст Р. М. Рильке), казалось бы, проводил некую черту, и можно было бы сказать «дальнейшее — молчание», ибо трагедия свершилась до конца... И вот мы слышим музыку, возникающую из этой последней тишины и вновь в нее уходящую, музыку редкостного напряжения; это — просветленная музыка, отразившая собой сдержанно-иступленный итог 14-й симфонии; для 15-й не нашлось слов, не надо текста, но композитор

ОН ГОВОРИТ С НАМИ, ГОВОРЯ О СЕБЕ

вновь обращается к слушателю, поражая содержанием, ясно выраженным и в то же время невыразимым до конца... И здесь нет никакого парадокса: слушая 15-ю, мы ощущаем в ней скрытую, не поддающуюся точной расшифровке программу; Шостакович — жив и БЕСКОНЕЧЕН, а последняя его симфония, исполненная светлой грусти, поражает своеобразным оптимизмом.

Человек — «квинтэссенция праха», и он — бессмертен. Его бытие — трагично, это трагизм постоянного исчезновения, исчезновения событий и лиц, ненависти и любви; «года летят, миры летят», выражаясь словами Блока; композитор слышит этот непреходящий лет и заставляет нас помнить о нем, как о единственной нашей судьбе, и утверждает, что судьба эта — прекрасна, потому что другой нам не дано, и каждый из нас переживает ее наравне с остальными... Шостакович создал музыку о себе и о каждом из нас, и тому, кто УСЛЫШАЛ эту симфонию, дано удивительное право считать ее собственным достоянием.

И Шостакович единственный из великих композиторов XX века, способный дать такое право своему слушателю: кто из слушателей Стравинского, восхищаясь «Симфонией псалмов» или «Симфонией в трех движениях», назовет их сво-

ими? Стравинский держит нас на расстоянии; он нас ПОСТОЯННО ИСКУШАЕТ, и в музыке его есть нечто мегистрофелское. Стравинский также знает нашу судьбу и чувствует лет времени; в его сочинениях спародирована едва ли не вся предшествующая музыкальная культура, в них внезапно возникают и с ошеломляющей холодностью исчезают музыкальные стили разных эпох — Стравинский чувствует себя их властелином; подчинив себе достижения предшественников, он создал свой, удивительно целостный стиль. Этот стиль как бы отражает разными зеркалами, и это — пленяет и потрясает нас, ибо мы всегда узнаем Стравинского. У него ВСЕ ВРЕМЕНА ЗВУЧАТ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ, и оттого, что они слились воедино, возникает целая философия: вся прелесть музыки, все ее токи, любые ее наркомы и самые беглые ее красоты есть только мгновение, в которое жил Стравинский! Искушенные этим мгновением, опытные трезвой, расчетливой красотой, мы узнаем цену времени и тщету его, но великий обольститель лишает нас трагедии, считая ее бесплодной и старомодной.

Шостакович — крупнейший антагонист Стравинского. Есть поэты, которых называют «трагическими лириками» — Шостакович из их числа. Музыкальное время выражает в его сочинениях состояние челове-

ческой души; чуткие современники Шостаковича уже более сорока лет, со времени 1-й симфонии, узнают о себе из музыки Шостаковича. Слыша 8-ю или 10-ю, мы бываем поражены случившимся в этой музыке, ибо это — факты нашей личной биографии: в знаменитой 7-й миллионы людей, и не только советских людей, услышали собственную боль, скорбь и надежду...

Когда-нибудь появятся отдельные исследования о том, чем стала в музыке Шостаковича революционная песня, — не только в 11-й симфонии, где с поразительным лирическим напряжением разработана песня «Вы жертвою пали», не только в 8-м квартете, но даже в 3-м, лиричном цитат. Есть Шостакович будничаров и «златых гор», балетных сюит, где поразительная впечатлительность лирики отражает тесноту будничаров и уличных шествий; есть целый пласт в музыке Шостаковича, как бы возникший от взаимодействия со всем миром приверженности и даже страсти к таким ее проявлениям, которые иному художнику показались бы банальными и плоскими. Ко всему прикасаясь, Шостакович умеет остаться верным своей сосредоточенности, своему содержанию, и всякий раз, слыша в его музыке выразительный пафос или патетические восклицания, мы бываем удивлены индивидуальностью лирического переживания... Это ху-

дожник, владеющий одному ему доступной способностью, даже растворившись во всемобщем, остаться самим собой.

Несомненно, многое в Шостаковиче будет раскрыто, понятно теми, кто услышит его после нас. Однако, хотя музыка его всегда будет жить, из нее как бы исчезнет нечто, способное взволновать только его современников, обращенное только к нам. Ибо одна из тайн могущества этого художника состоит в том, что он говорит с нами, говоря о себе...

Сочинения Шостаковича последних лет всегда будут вызывать особое к себе отношение, в них — своя притягательная сила, свой круг образов, которые гениальный композитор развивает, сопоставляет, варьирует снова и снова...

Кажется, невозможно передать что-либо средствами музыки после 9-й и 10-й симфоний, 4-го и 5-го квартетов; Шостакович, на наш взгляд, выразил к этому времени основное содержание своего искусства и породившей его эпохи.

Дальнейший путь композитора знаменует тягу к программности, но, наряду с программными симфониями и поэмами, возникают сочинения чисто инструментальные, концерты и квартеты, в которых Шостакович как бы говорит вновь и вновь одно и то же, бесконечно и гениально комментируя собственное творчество, раскрывая каждый раз в ином ракурсе основную свою мысль.

15-я симфония представляет нам одним из самых замечательных достижений композитора последних лет. Она бескомпромиссна и мужественна, как и ее предшественница, 14-я; в ней — наши голоса постепенно исчезающие с поверхности земли, наша смертная тоска и бессмертное величие. Композитор еще раз заставил нас почувствовать бег времени, удивиться ему, ощутить жизнь, нам отпущенную, как драгоценный подарок. В первой части есть руссиневская мелодия из «Вильгельма Телля», которая превращается у Шостаковича в саркастический марш. В 30-е годы Стравинский цитировал Россию в балете «Игра в карты», у него тоже была ирония, но она возникла по поводу самой цитаты, как блестящей находки, мотив Россия был своеобразным призраком из XIX века и становился шаткой игрушкой, внезапно рассыпающейся в прах. У Шостаковича он звучит как будто из далекого, но вполне реального мира первых, непосредственных и светлых впечатлений жизни, и, становясь, наконец, язвительным маршем, ясно дает нам почувствовать жизнь в ее сложности, внезапности, в трагической ее красоте. И вся симфония, изумительно идеальная от первого до последнего такта, вызывает к нашей индивидуальной памяти, пробуждая в нас заглушенные, быть может, «впечатления бытия» и ностальгическое почти стремление дожить каждой долей времени и музыки.

Б. ТУЛИНЦЕВ,
Искусствовед